

Дайджест по корпоративному праву и М&А

• 21 ФЕВРАЛЯ – 15 МАРТА 2026 ГОДА

НОВОСТИ

1. Московская биржа указала на недостаточность действующего уровня раскрытия информации о сделках М&А для целей надлежащей оценки их экономических последствий инвесторами и направила в Банк России предложения по совершенствованию соответствующего регулирования

В рамках проводимой Банком России работы по подготовке изменений в положение Банка России № 714-П, регулирующее раскрытие информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг, Московская биржа представила регулятору предложения, предусматривающие расширение объема раскрываемых сведений по сделкам М&А.

Отмечается, что в настоящее время эмитенты, как правило, ограничиваются раскрытием информации о факте совершения сделки и ее стоимости, что не позволяет в полной мере оценить ее содержание и последствия.

По мнению Московской биржи, такая практика формирует информационный дефицит для инвесторов и требует дополнительного регулирования в части повышения прозрачности.

В частности, предлагается предусмотреть раскрытие эмитентами сведений: (1) об оценке приобретаемых активов, (2) об ожидаемом экономическом эффекте сделки, а также (3) о ее возможном влиянии на финансовые показатели эмитента.

Подчеркивается, что недостаточность раскрываемой информации способна привести к некорректной интерпретации инвесторами совершаемых сделок и, как следствие, к принятию ими необоснованных инвестиционных решений.

Комментарий ККМП:

Предложение Московской биржи в целом соответствует направлению планируемых изменений в Положение Банка России № 714-П, цели которых сформулированы следующим образом: повышение прозрачности IPO, адаптация эмиссионных документов для их лучшего восприятия розничными инвесторами, оптимизация представления периодической отчетности эмитентами, обеспечение доступа инвесторов к информации об устойчивом развитии.

Хотя текущий уровень раскрытия информации эмитентами, возможно, нуждается в доработке, и более детальный уровень раскрытия информации о сделках M&A встречается в других странах (например, в Великобритании в соответствии с Rule 7 Annex 2 Part 1 of UK Listing Rules Instrument 2024 требования к раскрытию M&A сделок выше), инициатива Московской биржи требует внимательного анализа и оценки последствий. Если предложения будут реализованы в объеме, цитируемом в СМИ (как указано выше), подготовка сообщений о существенных фактах станет значительно более ресурсоемкой задачей. Эмитентам придется раскрывать не только параметры сделки, но и ожидаемые от нее эффекты. Это потребует более глубокой проработки раскрытия с привлечением бизнес-команды эмитента и детальной настройкой баланса между соответствием требованиям о раскрытии, сохранением коммерческой тайны и недопущением введения инвесторов в заблуждение оценочными бизнес-суждениями.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

2. Участник ООО может иметь право на предъявление косвенного иска о неосновательном обогащении третьих лиц в связи с использованием ими имущества ООО в условиях корпоративного конфликта

Истец (участник ООО) обратился с иском к ответчикам (двум другим участникам ООО и двум третьим лицам) о взыскании в пользу ООО ущерба, причиненного ООО использованием ответчиками инженерной техники и автотранспорта ООО без надлежащего встречного предоставления.

ООО осуществляло строительную деятельность и владело значительным объемом специализированной строительной техники и оборудования. Между участниками ООО длительное время существовал корпоративный конфликт, при этом с определенного момента ООО фактически не осуществляло хозяйственную деятельность, несмотря на наличие активов.

Истец заявлял, что иные общества, связанные с одним из участников ООО, осуществляют деятельность, аналогичную основной деятельности ООО. Изучив документы в рамках иных судебных дел, истец пришел к выводу о том, что указанные общества использовали строительную технику ООО без внесения арендной платы и без заключения договоров с ООО. В иные общества были также переведены специалисты, генеральный директор и главный бухгалтер ООО.

Ссылаясь на то, что техника ООО фактически использовалась другими обществами, а ООО не получило соответствующего вознаграждения, истец обратился в суд, полагая, что на стороне ответчиков возникло неосновательное обогащение.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска.

Суд пришел к выводу, что истцом не доказаны обстоятельства недобросовестного поведения ответчиков.

Кроме того, суд обратил внимание на тот факт, что отсутствуют бесспорные доказательства использования ответчиками именно имущества ООО.

Суд также отметил, что само по себе наличие корпоративных или управленческих связей между участником ООО и иными юридическими лицами, осуществляющими аналогичную деятельность, не свидетельствует о действиях во вред ООО.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил иск частично, взыскав с третьих лиц (обществ, которые использовали технику ООО, но не с участников ООО) суммы неосновательного обогащения как плату за пользование техникой ООО.

Суд пришел к выводу, что третьи лица выполняли работы с использованием строительной техники ООО, в остальной части требований было отказано.

Суд кассационной инстанции изменил постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении первоначального иска, указав, что участник ООО не обладает правом предъявлять требования о взыскании неосновательного обогащения в пользу ООО, поскольку такие полномочия прямо не предусмотрены законодательством.

Верховный Суд РФ пришел к выводу о наличии оснований для передачи кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации («СКЭС ВС РФ»). Суд отметил, что доводы истца о корпоративной природе спора и о возможности предъявления косвенного иска в интересах общества (в том числе, со ссылкой на [позицию](#) СКЭС ВС РФ по аналогичному делу) заслуживают внимания, поскольку спор связан с возможным причинением вреда ООО и использованием его имущества третьими лицами.

Определение Верховного Суда РФ о передаче кассационной жалобы вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании СКЭС ВС РФ см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

В деле ставится вопрос о границах допустимости предъявления косвенных исков, когда законодательство прямо не предусматривает право участника выступать в защиту нарушенных интересов общества.

С одной стороны, позиция суда кассационной инстанции отражает традиционный подход, отмечая, что право на предъявление иска о взыскании неосновательного обогащения принадлежит самому обществу, а не его участнику. Суд отмечает, что у участника отсутствует соответствующее право, поскольку оно не предусмотрено ст. 53.1, 65.2 ГК РФ, ст. 8 Закона об ООО и ст. 225.1 АПК РФ.

В то же время обстоятельства дела указывают на наличие корпоративного конфликта, при котором само общество не в состоянии эффективно защитить свои интересы ввиду смерти лица, занимавшего должность генерального директора общества, и неспособности конфликтующих участников общества назначить нового руководителя общества, который мог бы предъявить иск о неосновательном обогащении от имени общества. Формальный отказ в защите только на основании квалификации требования может привести к поощрению злоупотреблений в условиях корпоративного конфликта.

Мы будем следить за данным делом. Позиция, которую может занять СКЭС ВС РФ, способна повлиять на эффективность защиты участников и общества в ситуациях вывода активов и корпоративных конфликтов.

3. непогашенная в течение длительного времени казначейская доля может быть предметом договора купли-продажи

Истец (единственный участник ООО) обратился в суд с иском к ответчикам: (1) генеральному директору ООО, (2) самому ООО и (3) регистрирующему органу о признании недействительными: (i) решения единственного участника ООО, на основании которого была внесена запись в ЕГРЮЛ, (ii) решения инспекции о государственной регистрации и (iii) соответствующей записи в ЕГРЮЛ, ссылаясь на то, что решение единственного участника ООО о продаже доли в ООО генеральному директору ООО было принято без его (истца) волеизъявления и без предоставления соответствующих полномочий представителю, подписавшему решение.

Первоначально участниками ООО являлись два лица. В 2010 году состав участников изменился, при этом часть долей (33%) перешла самому ООО. В 2021 году, после исключения одного из участников по решению суда, принадлежащая ему доля (33%) перешла к ООО, в результате чего суммарная доля ООО в собственном уставном капитале составила 66%. При этом размер уставного капитала ООО был минимальным (10 000 рублей).

В 2024 году было принято решение о продаже генеральному директору ООО 34% долей в уставном капитале, принадлежащих ООО («казначейских» долей). Решение было подписано представителем по доверенности от имени единственного участника ООО. Между ООО и генеральным директором ООО был заключен договор купли-продажи соответствующей доли, после чего в регистрирующий орган было подано заявление о государственной регистрации изменений в ЕГРЮЛ. По результатам рассмотрения заявления инспекцией внесена запись в ЕГРЮЛ о приобретении генеральным директором ООО доли в уставном капитале ООО.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, отмечая следующее:

- Решение единственного участника ООО не является сделкой.
- Решение подписано представителем, действовавшим на основании доверенности, все необходимые для регистрации документы представлены.
- В течение одного года со дня перехода доли в уставном капитале к ООО она должна быть распределена между всеми участниками ООО или предложена для приобретения, при пропуске срока ООО должно погасить долю и уменьшить уставный капитал. В случае если размер уставного капитала ООО после его уменьшения составит менее установленного значения, ООО подлежит ликвидации. При этом в материалы дела представлена доверенность истца от 2019 года на предоставление полномочий заключить с генеральным директором договор дарения доли в уставном капитале ООО в размере 34%, поэтому, по мнению суда, действия истца являются злоупотреблением правом.
- Истцом не доказано нарушение его прав и законных интересов.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Суд кассационной инстанции отменил акты нижестоящих судов и удовлетворил иск, указав, что решение единственного участника представляет собой одностороннюю сделку и что доли ООО, не распределенные или не проданные в установленный срок, не могли быть предметом спорных сделок. Следовательно, решение о продаже долей недействительно, а заявление об изменении сведений об участниках изначально содержало недостоверные данные, на основании чего налоговая инспекция должна была отказать в регистрации.

СКЭС ВС РФ указала, что суд округа, отменяя судебные акты, фактически изменил основание иска и рассмотрел спор по обстоятельствам, на которые истец не ссылался. Истец обосновывал свои требования исключительно отсутствием его волеизъявления на принятие спорного решения и отсутствием полномочий у представителя, однако не оспаривал саму сделку по отчуждению доли и не заявлял о невозможности распоряжения долями ООО. Кроме того, закон не предусматривает исключение из экономического оборота долей в уставном капитале, принадлежащих ООО и не распределенных или не проданных в установленный законом годичный срок.

СКЭС ВС РФ подчеркнула, что изменение основания иска относится к исключительным процессуальным правам истца и не может осуществляться судом по собственной инициативе, тем более в суде кассационной инстанции, отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Позиция СКЭС ВС РФ подтверждает, что «казначейские» доли, которые не были проданы, распределены или погашены в установленный законом годичный срок, не выбывают из гражданского оборота автоматически и могут быть предметом сделки, даже если формально нарушен срок, установленный законом для их распределения или погашения.

Вместе с тем вопрос о допустимости распоряжения такими долями остается спорным. В судебной практике встречаются противоположные подходы. Одни суды исходят из того, что норма, содержащаяся в п. 5 ст. 24 Закона об ООО, является императивной и по истечении года доля должна быть погашена, а значит, не может отчуждаться (см., например, [Постановление](#) Арбитражного суда Уральского округа от 25 июня 2021 г. по делу № А07-5910/2020). Другие, как в комментируемом деле, допускают ее продажу, не рассматривая в качестве последствия нарушения годичного срока невозможность заключения сделки в отношении доли (см., например, [Постановление](#) Арбитражного суда Московского округа от 17 июля 2025 г. по делу № А40-154686/2024).

Важно, что следование требованию о погашении доли приводит к необходимости уменьшения уставного капитала. В ситуациях, когда уставный капитал минимален, это потенциально может вести к снижению его ниже установленного законом порога и, как следствие, к риску ликвидации общества. Фактически продажа доли в подобных обстоятельствах может рассматриваться как способ сохранить компанию и улучшить ее финансовое положение, несмотря на формальное нарушение установленного законом срока реализации доли.

Для митигации возможных рисков при приобретении общества, имеющего на балансе подобные непогашенные и нераспределенные в течение предусмотренного законом срока «казначейские» доли при минимальном размере уставного капитала, представляется обоснованным требовать от продавца в рамках подготовки к сделке увеличить уставный капитал до размера, позволяющего погасить «казначейские» доли.

4. Исключение акционера общества как способ корпоративной защиты не подлежит применению, если не достигается его цель – устранение препятствий для нормальной деятельности общества, в особенности при нахождении общества в процедуре конкурсного производства

Истец (акционер 1) обратился в суд с иском к ответчику (акционеру 2) об исключении его из состава АО. В рамках дела были также заявлены встречные требования ответчика об исключении истца и акционера 3 из состава акционеров и требования акционера 3 об исключении ответчика из состава акционеров.

В обоснование требований истец и акционер 3 сослались на недобросовестное поведение ответчика, который, как было установлено ранее судебными актами, фактически согласился с отчуждением необходимого АО недвижимого имущества в ущерб его производственной деятельности.

Ответчик, обращаясь с требованиями об исключении истца и акционера 3 из числа участников АО, указал, что они на протяжении многих лет вели конкурирующую с АО деятельность, выводили денежные средства на свои счета, причиняя ущерб, приведший к банкротству.

АО также было признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исков, указали следующее:

- Исключение акционера не обосновано, так как спор обусловлен корпоративным конфликтом, а не грубым нарушением обязанностей одним из акционеров. Кроме того, все акционеры допускали действия, способные причинить АО убытки, нарушения носили обоюдный характер.
- Требование об исключении не подлежит удовлетворению, если заявитель сам допускает нарушения, являющиеся основанием для его исключения.
- С учетом введения в отношении АО процедуры банкротства (конкурсное производство), не представляется возможным соблюсти условие о выплате исключенному участнику действительной стоимости его доли, а удовлетворение требования об исключении одного из участников не приведет к восстановлению нормальной хозяйственной деятельности АО и повлечет нарушение баланса интересов сторон, поскольку одна сторона получит полный корпоративный контроль над АО без какого-либо встречного предоставления другой стороне.
- Ситуация, когда в АО не останется ни одного акционера, противоречит законодательству.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Комментируемое дело подчеркивает, что исключение участника из общества рассматривается судами не как универсальный инструмент разрешения корпоративного конфликта, а как исключительная мера, допустимая лишь в тех случаях, когда она действительно способна восстановить нормальную деятельность общества. Если же конфликт носит взаимный характер и нарушения допускаются обеими сторонами, суды с большей степенью вероятности откажут в применении этого способа защиты.

Особое значение в данном деле имеет фактор банкротства общества. В условиях конкурсного производства исключение участника во многом может терять свой смысл, так как само по себе исключение уже не способно восстановить деятельность общества, ведь общество уже не ведет обычный бизнес и его деятельность направлена на формирование конкурсной массы и расчеты с кредиторами. В такой ситуации обязанность по выплате действительной стоимости доли также фактически не может быть реализована (при этом с учетом нахождения общества в банкротстве такая стоимость может быть незначительной).

Вместе с тем судебная практика по данному вопросу остается неоднородной. В ряде случаев суды допускают исключение, отмечая, что само по себе введение в отношении ответчика процедуры банкротства не является препятствием для реализации права иных участников общества на исключение недобросовестного участника, поскольку она не прекращает корпоративного правоотношения между обществом и его участниками, а лишь ограничивает права участия (см., например, [Постановление](#) Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 2 ноября 2016 г. по делу № А32-29395/2012). В других случаях, как и в данном деле, суды исходят из того, что такой способ защиты неприменим (см., например, [Постановление](#) Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 апреля 2018 г. по делу А56-3391/2017).

С экономической точки зрения, целесообразность исключения участника на стадии конкурсного производства вызывает сомнения: (i) корпоративный контроль на этой стадии сильно обесценен, фактически все ключевые решения переходят к конкурсному управляющему и собранию кредиторов, и (ii) даже при формальном получении контроля участник не сможет свободно распоряжаться активами, так как они уже находятся в конкурсной массе. В такой стадии ключевыми становятся интересы кредиторов, а не перераспределение корпоративного контроля между участниками.

При этом требование об исключении участника из общества на первых этапах процедуры банкротства экономически выглядит более обоснованным, поскольку еще существует вероятность возвращения общества к нормальной деятельности.

МЫ БУДЕМ РАДЫ ОТВЕТИТЬ НА ВАШИ ВОПРОСЫ ПО ДАННОЙ ТЕМАТИКЕ

Екатерина Шарапова

Старший юрист

Ekaterina.Sharapova@kkmp.legal

Самвел Вартанян

Юрист

Samvel.Vartanyan@kkmp.legal

Евгения Дружина

Юрист

Evgenia.Druzhina@kkmp.legal